

Кика Салви

Кика – женщина с изюминкой

Любовные успехи и неудачи разведочной журналистки

Бразильские

ночи

Кика Салви

Кика – женщина с изюминкой. Любовные успехи и неудачи разведенной журналистки

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166679

Аннотация

В манере дневника Бриджит Джонс Кика Салви, знаменитая бразильская писательница и журналистка, рассказывает о своих взлетах и падениях в мире интимных отношений. Будучи столь же соблазнительной и мстительной, как легендарная Кэрри из фильма Брайана де Пальмы, Кика проводит читателя по лабиринтам своей человеческой и женской сущности, с предельной смелостью обнажая душу и тело.

Еще до выхода в свет скандальная исповедь Кики произвела немало шума среди близко знавших ее мужчин.

Эту книгу называют бразильской версией «Секса в большом городе». Женщины увидят в откровениях автора самих себя, а мужчины могут использовать эту книгу как учебник по женской психологии.

Содержание

Предисловие	4
Хаос	6
«С Кикой на диване»...	10
Отчаяние	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кика Салви

Кика – женщина с изюминкой. Любовные взлеты и падения разведенной журналистки

*Алисе и Софии, которые совсем не считают меня странной.
И Мариш Эрлинде, моей второй мамочке*

*Женщина никогда не должна принадлежать самой себе.
Законы Ману (святая книга Индии)*

Предисловие

В своей жизни я уже проглотила достаточно оскорблений. Это первое. Стыдливая я от рождения. Это второе. Зная, что оба этих утверждения справедливы, я долго колебалась, выбирая название для книги: «Выплювывая лягушек»¹, чтобы быть верной содержанию, или «Странная Кика», чтобы любопытствующим сразу стало ясно, что я буду стесняться того, о чем пишу, но что сама признаю свою ненормальность, не дожидаясь обвинений. Однако эта ненормальность – причина и следствие того, какая я есть и какой была.

Я никогда не могла сказать «нет», из-за чего все время впутывалась в разные истории. Я хотела сказать «нет» очень многим, но так и не смогла. Не умела. Я всегда была ласковой и отзывчивой. И, более того, ставила чувства и желания других выше своих собственных, а мысль, что я могу отказать, не поддержать, ранить кого-либо, казалась невообразимой. И так, я уступала и бросалась с головой в море прямых или косвенных просьб, сама имея лишь одно всепоглощающее желание – быть любимой. Но всему на этом свете есть предел...

Меня не любили сильнее, ведь я вела себя глупо и была незащитной. Мне не хватало агрессии, причем всегда и во всем. Чтобы наконец послать этих трусов, которые так издевались надо мной, в узкое плохо пахнущее отверстие. Чтобы наговорить дерзостей, грубостей и ругательств и, возможно, таким образом очистить душу.

Эта книга – конвульсивная рвота, вызванная жизненными ударами, бурлящий поток из жабищ, которые я проглотила. Это заклинание против демонов, прочищение всех моих внутренних органов. Эта книга – честная, нахальная и бесстыдная, и именно поэтому она для меня – обновление, как после сбрасывания старой кожи.

Работая над ней, я не раз вспоминала сенсационный фильм Де Пальмы «Кэрри» 1976 года. Его героиня была такой же ласковой, как и я, немного наивной, как и я, над ней так же издевались, как и надо мной, – до тех пор, пока она не спалила всех пожаром своей мести. Здесь не пишу «как и я», потому, что не дошла и не дойду до такого сумасшествия, но могу сказать, что, как и она, написанием этой книги я разжигаю свое пламя для сладчайшего очищения.

Здесь все правда, только реальные факты. С моей точки зрения, они окрашены светлыми тонами, а если у кого-то имеется другой взгляд на это и он видит все в другом свете, пусть пишет свою собственную книгу. И не нужно меня осуждать, потому что лишь сейчас я наконец вздохнула, возрожденная, без тени какого-либо недовольства от жизни. Многим

¹ Engolir os sapos (*порт.*) – буквально: глотать лягушек; означает: сносить, проглатывать оскорбления.

людям будет больно, но меня это не волнует: каждый сам залечивает собственные раны. Я залечила свои ценой горьких слез, глубокого анализа и долгих страданий. Теперь я чувствую себя очищенной, легкой и свободной. Без Бога в сердце, как вы дальше увидите, но просветленная любовью моих дочерей и возможностью наконец-то жить счастливо.

А ненормальность – ее ведь можно рассматривать и как необычность, то есть непохожесть на других, я бы даже сказала – пикантность. Потому я и назвала в конце концов эту свою исповедь «Кика – женщина с изюминкой». Но это больше чем пикантная книга. Временами она жестокая, временами – бесстыдная, немного забавная... И тем не менее, все это я – и в хорошем, и в плохом.

Кика, женщина с изюминкой

Хаос

Это была уже шестая квартира, которую мы смотрели, решая, в каком же углу я, «ново-разведенная», должна буду жить. Она ни по одному аспекту не была лучше предыдущих. Старая квартира, с дешевеньким ремонтом, малюсенькая и без тени роскоши и комфорта, к которым я так привыкла во времена своей славной (возможно, мне так казалось) замужней жизни. Но плата была приемлемой, совместное владение – не разорительным, принимая во внимание, что оно обеспечивало нам гараж, консьержа, постоянную охрану и восхитительный сад с цветочными клумбами у входа в дом, где, как я вообразила (ошибочно, как выяснилось), мои малютки могли бы играть в куклы, одновременно купаясь в лучах свежего утреннего солнца Сан-Паулу.

Наверное, главным достоинством был открывавшийся вид. Хотя квартира находилась всего лишь на втором этаже, из окон виден был отрезок улицы, которая начиналась у обрыва, а параллельная ей улица была, по меньшей мере, на 20 метров ниже первой. И особенно ценно то, что в поле зрения не попадало ни одного здания. Уловка для приманки клиентов состояла в том, что квартира была выкрашена в желтый, а двери, пороги, окна и потолок – в белый цвет. В этом заключалась всего лишь претензия на свежесть, но именно это делало квартирку пригодной для жилья. Паркетный пол, на первый взгляд совершенно новый, был настолько отполирован и гладок, что можно было скользить по гостиной и комнатам даже в чулках. «То, что надо», – подумала я и подписала договор.

Вернее, могла бы подписать его, если бы в придачу к моим 27 годам, двум дочерям и одному семилетнему браку позади, я имела еще и документ, подтверждающий мою платежеспособность. Отсутствие же его показывает, насколько я все эти годы была зависима и, видимо, вследствие этой зависимости, покорна желаниям и решениям моего мужа, который был старше меня на 11 лет. Вдобавок я была безработной (что исключало возможность предоставить справку о доходах) и никогда ранее не открывала никакой фирмы или чего-нибудь в этом роде. По сути, я была просто никто, папенькина дочка, только что переставшая быть сеньорой Безай. Для удобства и отчасти потакая тщеславию папы, я подписалась «Кика Салви». Когда я была еще замужем, мы с отцом договорились, что так лучше для нас: не приплетать фамилию Безай и, таким образом, оградить семейство Салви от «славы» известного уже имени и всех «приятных» ее дополнений, раз уж мы жили в таком глубоко провинциальном городке, как Кампинас. Я прибегла к помощи семьи как к первейшему и, возможно, единственному средству. А папа, гордый своими возможностями полноправного гражданина, обладающего всеми нужными документами, и исправного налогоплательщика, смог снова продемонстрировать мне крайнюю важность своего присутствия в моей жизни, сделавшись официальным съемщиком квартиры. Какое наслаждение выразилось в его сияющей улыбке от возможности лишней раз почувствовать отцовскую власть, вытаскивая свое чадо из очередной передраги! «Можешь не волноваться, дочка, я подпишу документы».

В период самых решительных перемен, когда шел мучительный бракоразводный процесс, я продолжала жить в доме мужа, участвуя в изнурительной политике добрососедства. Мы разговаривали лишь по особой необходимости – преимущественно о том, что касалось наших дочерей, а, между тем, по-прежнему спали вместе, в одной и той же комнате (огромной, 10 метров в длину и 4 в ширину, разделенной на спальню и кабинет, где находился мой компьютер, мое кресло для чтения, мой комод и громадный платяной шкаф, втиснутый в проем стены). Самое тяжелое для меня было время, когда девочки ложились спать и мы оставались вдвоем в доме с огромными комнатами, красивой мебелью из лучших салонов Габриэля Монтейру де Силва, наедине с нашей одеждой, книгами, фотографиями и воспоминаниями о жизни, которой больше не было. Царило молчание. Единственный шум, раз-

дававшийся время от времени, свидетельствовал о недавно приобретенной привычке Эду закрывать за собой дверь в ванную, пока он принимал душ или брился (раньше дверь не была даже прикрыта).

Изредка мы обсуждали детали развода, вопросы типа: у кого останется служанка, что мы собираемся делать в новогодние каникулы и что скажем девочкам, когда с разводом будет покончено? Алисе в то время было меньше четырех, а Софии, еще малютке – чуть больше полутора годиков. Обе были слишком маленькими, чтобы мы могли поговорить с ними прямо и объяснить им ситуацию. Так что потребуются особая чуткость, терпение и забота с нашей стороны, пока они будут «переваривать неудобоваримые события», связанные с переменами внутри семьи.

Чтобы существовать, я подрабатывала. Я только что ушла из журнала «Крошка моя», где занимала должность корреспондента (до того я никогда не работала) и должна была помогать своей начальнице. Та пользовалась популярностью, благодаря своему саркастическому остроумию, легкости в работе, тактичности, с которой она о чем-либо просила или исправляла недочеты; но из всех ее очаровательных свойств нам более всего импонировало ее пристрастие к подробным и вдохновляющим рассказам о ее сексуальной жизни. Но скоро она начала флиртовать с одним типом из нашего издательства, и с этого времени старалась хранить в тайне свою интимную и сексуальную жизнь, поскольку ее любимый был крайне ревнивым собственником.

После этого работа стала просто работой, а жизнь в редакции без пикантных и шокирующе откровенных историй моей начальницы сделалась скучной, что и заставило меня уволиться и зажить жизнью фрилансера².

Заключение, что я уже научилась всему, чему могла научиться, тоже сыграло определенную роль, но это решение, как и все прочие решения в моей жизни, имело основой, скорее, эмоциональное состояние человека, лишеного развлечений, чем осознание, что труд выпустить несколько номеров журнала был слишком легок для моих чрезмерных профессиональных амбиций. Я стала постоянно сотрудничать с журналами «VIP», «Nova» и «Playboy», часто обращаясь к теме, которая в то время больше всего меня волновала: секс. Не знаю, из-за того ли, что я так рано вышла замуж (и, как убежденная моногамка, коей я всегда являлась, отвергала авантюрные стремления исследовать пикантности строения тела не своего мужа), или из-за тяжелого и, соответственно, мало эротизированного периода, который я переживала под конец супружеской жизни, но я день и ночь думала только о сексе.

Писать о сексе в журналах было бальзамом и компенсацией того, в чем так остро нуждались мои душа и тело. Но финансовая нестабильность и состояние безвременья, вызванное бесприютностью и отсутствием детей (когда они уехали в путешествие с отцом, я тут же сбежала из дома, спасаясь от пустоты), усилили царящий во мне эмоциональный хаос. Решением проблемы, несомненно, явилось бы устройство на хорошую работу, или, уж если на то пошло, на любую работу. Выходить из дома, видеть людей уберегло бы меня от того, чтобы не превратилось в привычку опустошение двух или трех бутылок дешевого красного вина в день, пожирание плиток шоколада с орехами за один присест, прослушивание музыки на всю громкость и рыдания на холодном полу гостиной, такой пустой на протяжении уже почти месяца. Да уж, работа точно помогла бы избежать этой мексиканской мыльной оперы и, наверное, именно она послужила бы лучшим способом изгнать всех демонов и всю боль последних дней замужества, так чтобы я смогла начать думать о других мужчинах.

И я начала-таки о них думать.

² Фрилансер (от англ. freelancer – нештатный работник) – человек, не имеющий постоянного места работы.

Первый вывод (отнюдь не утешительный), касающийся моего нового жилища, заключался в том, что лучше бы я его не арендовала. Потому что, хотя и было возможно, высунувшись из окна, любоваться заходящим солнцем, влажные стены и отсутствие мебели даже на кухне и в ванной превращали этот дом в настоящую иглу. Я дрожала от холода, когда приходилось, завернувшись в одеяло, переползая из комнаты в кухню в поисках новой бутылки вина. Я была закутана, как капуста, во все шерстяные тряпки, что мне удавалось отыскать в шкафу. Я накидывала одеяло поверх одежды, прятала ноги в войлочных тапках, но, казалось, ничто не могло побороть этот чертов квартирный холод.

Дети в то время еще находились у моря с отцом, а я все чаще задавала себе вопрос: как я встречу моих дочурок в этих неуютных комнатах? Мама, жалея меня из-за боли, холода и нищеты, в которых я пребывала, накупила самых теплых одеял, а папа подарил мне пять тысяч реалов для покупки всего основного: холодильника, плиты, микроволновки и телевизора. Что, благодаря моей строжайшей экономии, позволило купить еще и кровать, два ковра, диван и тумбочку для телевизора. Желтый ледник наконец-то был готов стать прибежищем для живых существ.

Из-за отсутствия девочек, работы и, наконец, мужа у меня ушла почва из-под ног (словно ноги, стоящие на свежескрашенном полу, свело судорогой). Все было не так как раньше. У меня уже не было моего красивого и обустроенного дома, не было моих дочурок, которые всегда, с самого момента их рождения находились при мне и единственные служили якорем для такого неуравновешенного человека, как я. Не было ни работы, ни развлечений, ни денег. И, самое главное, у меня не было больше Эду, который, обладая экстраординарной способностью к «мобилизации энергии для выживания в условиях цунами», казался самым далеким существом на этой проклятой земле. Я сначала тихо, затем все громче и громче, пока не начинала кричать (почти голосом Кассии Эллер): «Эта проклятая земля!..» Громче: «Эта проклятая земляяяя!..» Еще громче: «Этааа проклятая земляяяяяяяяяя!» Наконец изо всех сил: «ЭТА ПРОКЛЯТАЯ ЗЕМЛЯ!!!». Повторяла, пока боль не стихала (или пока мне не казалось, что она стихла), и я не забывалась тяжелым и глубоким сном.

Так проходили день за днем, прошла наконец неделя. Полупьяная, измученная, с опухшим лицом, я решила, что самое время принять душистую ванну, и это после – дайте-ка сообразить – примерно пяти дней без воды (идиотский душ не нагревался, а у меня не было сил одеться и сходить в магазин сантехники). Казалось, холод отступил, и яркое солнце осветило мое бледное прыщавое лицо, которое я так долго прятала от дневного света. Надежда возрождалась (прямо как в кино: прекрасный рассвет после страшной бури). И тогда я взглянула в зеркало...

Бледность и множество волосков на лице – вот что я увидела в нем. Заплывший глаз со слипшимися ресницами (может, из-за того, что я, вся измазавшись в шоколаде, спала на полу в гостиной) и сухие губы дополняли портрет. Невыщипывание бровей в течение десяти дней стало причиной появления черных точек, а зубы стали желтоватыми. Я пришла к выводу: «Мне срочно необходима ванна». А еще – крем, помада и пинцет. И с помощью угольков, которые все же теплились среди пепла, я начала возрождать в себе хозяйку жизни.

Исполненная решимости и здравомыслия, я первым делом вызвала водопроводчика, чтобы он починил душ. Я сказала ему: «Купите все, что необходимо, и, ради бога, разберитесь с этим как можно скорее». Не знаю, то ли мое осунувшееся лицо и гноящийся глаз, то ли запах немых волос, но что-то подвигло этого господина к действию. Его родным был северо-восточный диалект, лишь при огромном напряжении слуха напоминающий португальский язык, и он был так скрупулезен и, одновременно, так быстр в работе, что представлялся мне Индианой Джонсом. Отбившаяся от рук ванная была снова приручена, и из при-смирившего ржавого душа забили струи горячей воды. Это явилось крупным достижением.

Следующий шаг заключался в том, чтобы вернуть привлекательность зеркальному отражению и, возможно, таким образом добиться взлета самооценки. Я взяла займы у соседки (которая никогда меня прежде не видела) лампочку в 60 Ватт, чтобы вернуть ее в светильник над раковиной. Затем, исполненная отваги, я сразилась со всем тем злом, которое только могут причинить женщине нежелательные волосы. Теперь мне можно было показаться на люди.

Оставалось еще чуть меньше 10 дней до возвращения девочек, и самым главным было успеть подготовить для них комнату. Имея несколько тысяч реалов на текущем счете, я обегала пешком весь Теодоро Сампайо в поисках детской мебели. Теперь и речи не шло о гламурных и дорогих вариантах из салонов Габриэля Монтейру де Силвы, и эта ужасающе высокая концентрация дурного вкуса на квадратный метр действовала на меня угнетающе. Даже если б я была далеко не нищей, мое сердце все так же разрывалось бы при виде этих пыльных разноцветных витрин с мебелью пятой категории, которые оскорбляли долгие годы воспитания моего эстетического чувства, проведенные с моим (бывшим) мужем-архитектором.

Я со всем справилась за один день: кровать Алисе, коробка для игрушек, толстый ковер, небольшой шкафчик малинового цвета в форме кота, пульт для телевизора и видеокассеты Диснея для девочек. Я купила самый дешевый видеоплеер, какой только смогла найти, и диван цвета касторки (или, точнее, цвета грязи; из тех, что маскируют любое пятно). И большущий разноцветный палас в гостиную, чтобы дети могли играть на полу (и чтобы мне никогда больше не пришлось спать прямо на холодном паркете, когда я напьюсь и буду слушать депрессивную музыку). Дом был готов.

И тут я получила предложение от директора редакции журнала «VIP», Марко Антонио, каждый месяц готовить статью на один разворот, отвечая на вопросы о сексе. Заработок был хороший (по сравнению с мизером, который обычно платят в журналах), фиксированный, и мне обещали разместить мой текст на самой выгодной странице журнала. Я должна была принести свою фотографию с изображением «психоаналитика Ваших снов» (колонка называлась «С Кикой на диване»). Это первое хорошее событие, которое произошло со времени развода. Я приняла предложение и отправилась в фотоотдел.

Редакторша, которая сразу мне не понравилась, старалась испортить мои пробные фотографии и сделать их как можно более вульгарными. (После этого случая между нами появилась стойкая неприязнь.) Она принадлежала к тому разряду женщин, которые на меня никогда не производили впечатления: блондинка (крашеная, конечно), в шляпке, из обычной (думаю, разорившейся) семьи с достатком в четыре сотни. Главной ее мечтой, скорее всего, было снова завоевать себе достойное место в обществе Сан-Паулу. Она ко всем обращалась «моя дорогая», но уже через секунду отзывалась о тебе недоброжелательно и всегда рада была распустить несправедливый, грубый или просто глупый слух.

Фотографии получились красивыми и вульгарными, как она и хотела, и, поскольку я так же была способна настоять на своем желании, как маленький ребенок – понять концепции вселенной, эти фотографии были опубликованы (к ужасу моего отца, моего бывшего мужа, моих братьев, всех юных провинциальных друзей моих братьев, моих еврейских свекра и свекрови и журналистов, работающих в редакции «VIP»; причем, некоторые были потрясены неожиданной смелостью и находили это забавным, а другие крайне негодовали).

«С Кикой на диване»...

Мои дочурки вернулись из путешествия, и я испытывала сумасшедшую радость оттого, что они были рядом. Они настолько похорошели и повзрослели с тех пор, как уехали на море, что я не могла наглядеться на них. Алиса, с ее светлыми волосами и огромными синими глазами, была очень загорелой, а на лице от загара появились типичные для светлокожих веснушки. И София, которая всегда была куколкой, казалась еще прекраснее с коричневой кожей и струящимися ровными волосами. Я обняла их и заплакала так, как никогда раньше не позволяла себе плакать при них. Они, естественно, испугались.

Могла ли я объяснить им, что они для меня – воплощение надежности и самых теплых чувств, на какие я только способна? А главное, они – залог выживания в этом хаосе из эмоций, который правил каждым моим днем и каждой ночью с того момента, как развод стал делом решенным. В общем, они были единственной опорой, какая у меня осталась, и единственной причиной, по которой стоило пытаться выкарабкаться.

Я накупила попкорна и сладостей, украсила их комнату, приобрела зеленый с цветочками столик для рисования и потратила последние деньги на билеты в театр. В условиях, в которых я пребывала, лучше встретить их было невозможно.

Однако после первых, испорченных мной, десяти минут встречи последовала истерика Софии и упреки Алисы (в мой адрес, конечно). Все попытки обнять или поцеловать их встречали сопротивление и громкое «нет». Они отстранялись от меня. Так они меня наказывали, ведь развод совершился по моей воле, и Эду ясно дал понять это девочкам – не словами, но своим подавленным видом с тех самых пор, как я решила уйти из нашего дома. Ведь это я ушла из дома. Я положила конец существованию нашей семьи. Я покинула наш Очаг, бросила Мужа, Отца моих Дочерей. Я воплощала проклятие и рок семьи. Я – Мать, которая не считала, что сохранение семьи превыше всего. Я.

Первая сложность заключалась в моей неспособности исполнять даже примитивные материнские обязанности. Девочки не ели (если не считать леденцов, шоколада и попкорна), не спали, не хотели мыться. Алиса проводила дни за рисованием или за разрушением квартиры; а еще, каждые 15 минут она принималась просить щенка. София вела себя совершенно непредсказуемо: то приклеивалась к подушке, когда ее смаривал сон, то доходила до рева, выкрикивая: «Хочу домой! Здесь не мой дом!» Алиса не могла сомкнуть глаз, пока не укладывалась рядом со мной в моей спальне. Сущий кошмар!..

У меня не было горничной, потому что мне нечем было ей платить. Я почувствовала всю беспомощность, какую только может ощутить городская жительница в отсутствие какой-либо помощи. Существовали я, два маленьких истеричных ребенка и холодная квартира при полном отсутствии денег. И еще маленькая рюмочка спиртного на ночь и с утра, чтоб иметь силы для этой битвы за выживание (секс в этих условиях казался чем-то далеким, что имело место в прошлом, а оргазм вообще был понятием из кинофильмов, несуществующим вне экрана). Отличный сценарий для добротного мексиканского сериала.

Начало учебы и конец холода сильно улучшили положение. Детям было чем развлекаться, они приходили очень оживленные из школы, болтая о том, что произошло за день, и казались менее воинственно настроенными против меня. Постепенно я научилась успокаивать их перед сном. Самым верным средством было пение.

Я купила удобное кресло и поставила его в детской. Каждый вечер, когда им пора было спать, я рассказывала им сказку и затем, погасив свет, устраивалась в кресле. Я превращалась в величавую всемогущую мать, единственной целью которой было заставить девочек уснуть без слез (и желательно побыстрее). Мой репертуар был невелик, наизусть я знала

только взрослые песни. Именно тогда я познакомилась с чудесным миром Жобима³, и пела «Лижиа» и «Золотые годы» с той же легкостью, с какой ставят печати на конвертах.

*Я никогда не мечтала о Вас
Никогда не была в кино
Мне не нравится самба
Я не хожу на Ипанему
Мне не нравится дождь
И я не люблю соooooooooоолнце...*

Они были в восторге. Понемногу то, что раньше казалось ежевечерним обязательным ритуалом, превращалось в приятный способ провожать день, и менее чем через три месяца София уже начала признавать дом и считать свою комнату лучшим местом для сна.

Из всего, что я подготовила для встречи девочек, лучшим для нас троих, несомненно, оказался поход в кукольный театр. Это было первое мероприятие, в котором участвовали мы втроем (без их отца). Мы купили леденцы и вместе с другими детьми (и их важными надзирателями) уселись на пол в вестибюле, и впервые обе девочки казались если не счастливыми, то умиротворенными. А я впервые не напоминала себе ни Куку⁴ из «Желтого дятла», ни злую мачеху из Золушки.

Я была всего лишь их мамой, с восстановленным чувством собственного достоинства, небольшим количеством денег в сумочке и вернувшейся потребностью подкрашивать губы. Со стороны мы казались полноценной семьей, правда, без присутствия мужчины, но над нами больше не нависала черная туча раздора. Думаю, именно поэтому я позволила себе посмотреть по сторонам. Пусть я еще выглядела неопытной и робкой, но это был первый раз, когда я смотрела, не чувствуя себя виноватой, что так свойственно замужним женщинам, желающим пофлиртовать с кем-то на улице. И я стала флиртовать.

Этот парень был просто песня! Он выглядел, как кинозвезда. Идеальное лицо, светящееся так, как может светиться лицо или последнего подлеца, или уж святого. Он сидел на полу рядом с нами, на ковре красного цвета, и этот красный цвет, казалось, передался и его лицу (или это был результат легкого смущения?). С ним находился маленький мальчик, лет пяти, видимо, его сын. Та нежность, с какой он посадил мальчонку себе на колени, терпение, с каким он объяснял ему, почему спектакль задерживают, были так же очаровательны, как его рыжая борода и белая кожа. Его рост было не определить, но в любом случае он был великолепен. И он сидел меньше, чем в трех метрах от меня, то и дело на меня поглядывая. Моя душа содрогнулась в упоении чувством, казалось, совершенно уже позабытым: я завлекла мужчину. И меня тоже завлекали, что пугало еще больше.

Спектакль начался. Парень сидел настолько близко, что мы могли флиртовать, не боясь привлечь чужое внимание. Я не знаю, что меня радовало больше: восторг детей или моя ожившая восприимчивость.

К концу пьесы мое предположение, что он со мной заговорит, стало казаться нелепым.

Как и следовало ожидать, он не заговорил. Мы вместе ждали машин, и мое сердце так колотилось, что я даже заволновалась, как бы он случайно не догадался об этой нелепости.

Как же он был красив! Ему было на вид не более тридцати, у него были русые волосы, белая кожа и бесстыжие лучистые карие глаза, которые казались мне бездонными медовыми колодцами. Он был моего роста, с широкими плечами. А его ягодицы! Святая Мария! Какие

³ Жобим Антонио (Том) Карлос – популярный бразильский певец и композитор.

⁴ Куку – отрицательный персонаж детского сериала «Жёлтый дятел».

у него были ягодицы! Настоящая мужская попка, кругленькая, упругая, сбитая, в меру упитанная. Я бы даже заплатила деньги, только чтобы увидеть ее без одежды.

Наши машины подали одновременно, сначала мою, затем его. Так как мне надо было усадить девочек сзади, дать им соку и пристегнуть ремни, я не сразу уехала с этой улицы. Я догадывалась, что он смотрит на меня, усаживая сына (который, как я узнала потом, был племянником, а не ребенком этого притворщика) на заднее сиденье грузовичка, и самое минимальное, что я, расставшаяся с мужем, распаленная женщина, могла сделать, находясь рядом с этим чудом, – это ответить взглядом на его взгляд. Мы улыбнулись друг другу, сели в машины, я проехала за ним порядочный отрезок пути (поощряемая пылким переглядыванием через зеркала, таким волнующим!), пока он не свернул налево в Кардеал, а я не поехала дальше.

Это стало первым большим событием после моей жизненной драмы: открытие, что я снова могу развлекаться, клеить парней, бросать вызов жизни и даже... быть счастливой.

Через два месяца после развода я была принята на работу в журнал «VIP».

Казалось бы, у меня было почти все, чтобы быть счастливой. Хорошая работа, хорошая зарплата, симпатичная визитка с внушительным деревцем, олицетворяющим мою компетентность, и должность специального корреспондента, что было указано под именем. Просто – красота! Вернее, была бы красота, если бы не некоторые детали...

Я работала на Марко Антониу де Резенде, директора редакции, мы с ним отлично ладили, и он меня уважал. Моим прямым начальником был главный редактор журнала, блистательный и интеллектуально одаренный Эдсон Аран. Следующий, с кем я познакомилась, был Жардэл, талантливый журналист, спокойный с виду, но наделенный завидным сарказмом и остроумием. Как я вскоре заметила, это были качества, общие для всего коллектива, за исключением, конечно, уже знакомой мне редакторши.

Ближе всех ко мне сидела Айлин Алейшу, корреспондентка...

Отправляясь в первый день на службу, я и представить себе не могла, что ожидало меня в этом логове тщеславных хвастунов. Айлин Алейшу – вот та, из-за которой я прорыдала всю первую рабочую неделю. Та, что без причины возненавидела меня, унижала и с презрением относилась ко всему, что я делала и предлагала в редакции.

Враждебность Алейшу ко мне проявлялась главным образом в игнорировании факта моего существования. Наверное, это не было бы так ощутимо, если бы мы редко попадались друг другу на глаза в нашем гигантском офисе, но мы сидели на расстоянии одного метра друг от друга...

Каждый день она приходила на работу сияющая и здоровалась со всеми, кроме меня, в чью сторону она даже не смотрела. Приглашая всех к обеду, она обращалась к каждому по имени и притворялась, будто меня не существует в природе, ее разговоры с сотрудниками нередко сопровождались улыбочками и смешками после взгляда на меня. Боль и негодование вскипели во мне. Она ведь меня нисколько не знает! За что мне все это?

В конце концов для меня стало делом чести добиться если не симпатии, то, по крайней мере, вежливого отношения этой женщины. Я решила действовать точно так же, как она: избегать любого общения и быть милой со всеми, кроме нее.

Наградой за первую рабочую неделю стали длительные истерики.

Помню воскресный вечер. Я включила погромче телевизор, погасила во всей квартире свет и заглянула под все кровати и во все шкафы, после чего кинулась на диван и разрыдалась.

Дети проводили выходные у отца. Очень тоскливо, когда заходишь домой и никто не бросается тебе на шею. Я была совсем одна. Мне не хотелось жить. Вот до чего дошла.

Итак, я сидела в своей пустой квартире. Одна. К телефону я не подходила, и безупречная тишина стала главным мотивом танго, которое я танцевала. У меня не было друзей, и я

задумалась об этом только после развода. Безрассудная страстная любовь к Эду заставила меня покинуть всех, с кем до этого я хотя бы изредка общалась, и все мое общение ограничивалось его друзьями. Если мы ходили куда-то, то с друзьями Эду – на их дни рождения, ужины, фильмы или в театр. Не знаю, из-за разницы в возрасте и желания походить на них, или из страха, что мои друзья покажутся мужу слишком глупыми, но я рассталась со всеми отголосками «жизни до него». При том – исключительно по собственному желанию: сам он никогда, ни напрямую, ни косвенно, не просил меня об этом. Это было одно из тех помутнений рассудка, которые случаются от большой любви и которые заставляют нас бросить все ради нее. Иными словами, недостаток опыта или, если хотите, просто глупость. Я не успела стать подружкой друзьям мужа, я всегда была лишь его хвостиком. Если Эду приглашали, то и я приходила. Если они звонили, то передавали мне привет. Вот и все.

Было два выхода из сложившейся ситуации, и ни один из них не был легким, если учесть полное отсутствие у меня навыков общения. Я то решала вернуть друзей из моей девичьей жизни (которых сама бросила когда-то), то собиралась стать настолько открытой, чтобы иметь возможность сблизиться с новыми людьми. Но я уставала даже от размышлений по этому поводу.

В конце концов я сочла это дело безнадежным и решила развлечься. У меня не быть компании, что не столь уж смертельно, тем более что я успела устать быть милой и поддерживать беседу. Но у меня был телевизор, Интернет и CD-проигрыватель. Никто не может быть несчастным, если у него есть три таких источника веселья.

Первый – казалось бы, самый простой и ненавязчивый: телевизор. Я и телевизор... Два несовместимых существа, без малейшей надежды на диалог. И кто согласится, чтоб ему пудрили мозги, когда есть готовенький к употреблению Чет Бэйкер и уйма чатов?

Для начала Чет Бэйкер. Ах, наконец удовлетворение (пусть только слуховое, поскольку вероятность физического удовлетворения казалась мне тогда просто нереальной)! Но вот и до Интернета добрались. Поскольку одиночество и незащищенность никогда не приходят к кому-то одному, вокруг меня собралась целая кучка нытиков, с которыми мы общались в сети. Ночь решительно была обречена на провал.

Я была уже совершенно изнурена, но нечто внутри моего тела не желало мириться с тем фактом, что молодая и здоровая женщина не использует его для достижения удовольствий. Все мне наскучило, от картин Кельвина и Гарольда до самой первосортной литературы. По крайней мере, я уже вполне наслаждалась горячей водой и душистым мылом. И даже Чет Бэйкер был не в состоянии утешить такую одинокую бедняжку, как я. И вот в тот самый момент, когда я мыла жестковатой мочалкой с пеной свои генитальные сокровища (почти позабытые), мне в голову пришла сенсационная идея попробовать достичь оргазма.

Но чтобы нажимать нужные, самые нежные кнопки, нужно было разбираться во всех тонкостях. А я далеко не была специалистом в этом деле, и всякий раз (попыток было совсем немного), когда я ставила перед собой задачу поймать хоть малюсенький одинокий оргазмик, все заканчивалось полной неудачей. Невозможность дойти до необходимого возбужденного состояния без помощи фаллоса казалась мне настолько очевидной, что, еще будучи подростком, я оставила эту затею. Дело ограничивалось лишь мечтами о том, как же я начну роман пальчиков с волосками, скрывающими заветную пещерку. И у меня создается впечатление, что я отказалась от этой работы, так ничегошеньки и не узнав о том, как обращаться с клитором. Но я вспомнила Александру, свою подругу, большого специалиста по мастурбации, которая однажды взахлеб рассказывала о своем очередном успехе и назвала средство: подушечка.

Я выключила воду в душе (ее грел электронагреватель, а я не могла транжирить электроэнергию уже на вторую ванну за день, иначе пришлось бы раскаться после, когда получу счет от Паулоэлектро), и мысль доставить себе удовольствие, пальцами лаская тело, стала

казаться еще заманчивее. «Но это будет не просто после стольких лет без тренировок», – вздохнула я. У меня даже появился страх, что я дотронуся до рычажка наслаждений, а он завизжит из-за неловкости и неопытности моих рук.

Нужна была подушечка. Я смутно припомнила описания Александры. Это должна быть идеальная (для столь деликатного применения), надежная подушка. Она должна быть маленькой, чтобы не сковывать движений. Должна быть мягкой, чтобы не повредить кожу, и должна быть достаточно упругой, чтобы не ерзала и не меняла формы даже под сильным давлением. И вот она возникла перед моими глазами, кругленькая и нежная, но в то же время способная стойко выдержать трение, не претерпев изменений. Она была немного шероховатая. Не только ради большего комфорта и нежности соприкосновения, но и из стремления к гигиене я решила сменить на ней наволочку на ту, что приносила удачу во время моих игр с мужем. Египетский хлопок, беленький с нежнейшими разводами, расположенными симметрично; «батистовый хлопок», как выразилась продавщица. Очень полезная и красивая штучка.

Нас было трое: я, Чет Бэйкер (поставленный на repeat all⁵ на случай, если диск закончится прежде, чем мне удастся достичь главной цели мероприятия) и наряженная подушка.

Но этого было недостаточно для предстоящей мне высочайшей миссии. Одной музыки и батистового хлопка не хватило бы, чтобы заставить меня дойти до кондиции. Требовалось создать необходимую обстановку. Говорят, что единственные, кто испытывает благоговение перед пенисом – это геи, и что женщина может приходить в восторг от него только за деньги. Это ложь. Женщина начинает по-настоящему восхищаться фаллосом, если создать для секса подходящую расслабляющую обстановку. Ну, или за деньги. Но поскольку у меня не было ни пениса, ни денег, мне оставалось довольствоваться только обстановкой.

Первым и разумным решением было погасить все-все лампы и лампочки в квартире и заменить их свет на нежное пламя свечи. Нет, не одна, а много свечей было зажжено, и они осветили комнату таким образом, что часть ее была погружена во тьму, а в другой находилось ярко освещенное тело (причем, пламя не освещало его погрешностей, которые так подрывают уверенность в себе). Это был самый ослепительный свет, какой только можно было вообразить (и дешевенький, дешевенький, потому что в бедном доме достаточно свечей на случай, если вырубят электричество за неуплату). Продолжая создавать обстановку, я принесла из гостиной в комнату вазочки с фиалками. Фиалки – это еще одна, пусть дешевая, деталь, умаляющая страдания одиноких женщин от нищеты (когда нечем даже оплатить электричество); они украшают дом и придают ему более радостный вид.

Охваченная стремлением составить из различных мелочей то, что послужило бы идеальной обстановкой для оргазма, я откупорила бутылку красного вина, открытую в кладовке, насыпала лед в таз (предназначенный для детских вещичек, из-за чего он считался самой благородной посудинной из всех стоящих под раковиной) и охладила вдохновляющий нектар до идеальной для питья температуры. Я отнесла бутылку в комнату (вместе с хрустальным фужером, захваченным как сувенир о временах замужества) и повернула ключ два раза. Войти никто не мог, но ради такого занятия нужно было удостовериться, что совершенно точно не появится тайный наблюдатель или не произойдет нежеланное вторжение, которое могло бы заставить меня бегать по потолку.

Однако даже при наличии таких потрясающих декораций и отсутствии каких-либо препятствий, желание улечься на подушку не появлялось. Я открыла дверь шкафа с зеркалом так, чтоб в ней отражалась кровать. И, разумеется, на ней – я. Я была хорошенькая,

⁵ Режим на CD-проигрывателе, при котором диск автоматически включается сначала, как только заканчивается последняя песня.

несмотря на все страдания и сложности, с которыми приходилось после развода справляться самой. Но чего-то все же не хватало... Вдруг, в приливе вдохновения, я бросилась открывать ящик, который мама щедро набила трусиками и лифчиками. Я никогда не одевалась хорошо, пока зависела от родителей, но не потому, что у них не было денег прилично одевать меня и одновременно оплачивать гигантские расходы на содержание еще четверых детей, а потому, что для них, носителей практичного духа и псевдосоциалистических взглядов, не представлялось важным, чтобы их дети хорошо одевались. Но зато у меня никогда не было недостатка в кружевных трусиках, шелковых лифчиках и разноцветных чулках, на которых специализировался мамин магазинчик.

Я надела самый красивый комплект из всех и натянула чулки, которые столько времени валялись без пользы, ожидая своего звездного часа. И положила начало необыкновенному общению с зеркалом.

Несколько улыбок, и, нисколько не стесняясь, я превратилась в выдуманную мной женщину. Я была *Мадленой*, француженкой с белоснежной кожей и алыми губами. Чтобы больше соответствовать образу, я извлекла из гардероба туфельки из крокодильей кожи (поддельной, естественно, так как мои экологические убеждения были выше любых моих потребительских прихотей) на шпильке. Боже, какой красоткой была *Мадлена*! Какая белизна кожи, какой обворожительный взгляд, какая аппетитная попка! И как красиво она говорила по-французски, чертовка! Но вот зазвучал колокол, и она, резким движением, полным бесстыдства и чувственности, распахнула окно, даже не вспомнив про одежду. Какой сюрприз, да еще в такой час! Мимо проходит Николас Кейдж. Его глаза прозрачны и немного задумчивы. Нежной, как шелк, рукой она берет его руку и увлекает за собой в дом.

Он появился в самый подходящий момент, когда они могли остаться в комнате вдвоем, опьяненные «Малбеком»⁶ (обычным, но единственным алкогольным напитком в доме) и Четом Бэйкером, при свете свечей, окруженные фиалками. Как *Мадлена* хотела его!

Почему вы так тянете, Ник? Нет, нет, я не стану ничего спрашивать... Ник, милый, я счастлива, что вы здесь, Ник, *mon amour*.⁷ Ну же, Ник, испейте из моей чаши, почувствуйте мой аромат, дотроньтесь до кружев и утолите мои желания. Вот так, Ник, найдите все мои уголочки и закоулочки, Ник, ай, вот так, Ник, не задавайте мне вопросов, Ник, любите меня, как никогда никого раньше не любили, Ник, потому что сегодня я хочу узнать райское блаженство, Ник... Ай, ай, ай, ай! Ник, еще! Ник, смотрите мне в глаза, хорошо? О, Ник, какая прекрасная у вас рубашка из батистового хлопка, я могу лечь на нее? Оставайтесь снизу, пожалуйста, я хочу быть сверху, Ник, о, Ник, Ник, вот так, ооо!.. Ник, какие Вы вытворяете чудеса, как приятно ласкаете клитор, о, Ник... О, Ник, еще чуть-чуть, еще чуть-чуть, еще, о, Нииииииииииик!!!

Господи, получилось!

Прийти в редакцию «VIP» и приступить ко второй рабочей неделе показалось мне менее трудной и более стратегически определенной задачей, чем в прошлый раз, неделю назад (отчасти благодаря достигнутому в результате первого моего одиночного оргазма раскрепощению; теперь я была сильнее).

Один решительный взгляд вокруг – и наметилась положительная динамика. Немного общительности – и все в моих руках.

Отвратительная злобредная Алейшу и крашенная гадюка редакторша были далеко не единственными персонажами на горизонте нашей редакции.

Самыми симпатичными с первого взгляда мне показались Жардэл Себба, которого я уже упоминала (с похвалой); Эртон Сэлигмэн, наш главный корреспондент и с виду самый

⁶ Аргентинское сухое красное вино.

⁷ Любовь моя (*фр.*).

уравновешенный человек из всей команды; Карлос Амуэду, неразлучный друг Алейшу (что и могло настроить нас с ним друг против друга, хотя, быть может, я ошибаюсь), постоянно употребляющий антидепрессанты и вечный герой воскресных сплетен (результат субботних вечеринок). Затем – Аран, главный редактор, небольшого роста, но с огромным эго (и, как он сам любил кричать на всю редакцию, обладатель члена длиной 25 сантиметров); Марко Антониу де Резенде, директор издательства, с которым мы подружились, но я должна была скрывать это, чтобы не вызвать ревности коллектива, и не уничтожить таким образом последний шанс сойтись с коллегами. Еще была помощница экспертши-потаскушки Талита, настоящий кладезь; Хэлп, координатор редакции (которая защищала всегда своего шефа, Марку Антониу, как расщепивший питбуль); наконец – корректор и заведующая связями с читателями Андреа Каитано, самая скромная и нелюдимая из всех. Вот и все действующие лица.

Мой план стать частью коллектива показался теперь не таким уж трудновыполнимым. Я решила, что не буду пытаться быть милой со всеми. Я не сделала ни одного шага навстречу (никаких благодарных или приветственных улыбок соседям), но держалась совершенно открыто и скромно, в своей роли новенькой сотрудницы. Я старалась обезоружить их приветливым тоном своего голоса, и это неизбежно влекло за собой всеобщее одобрение и приближало меня к достижению цели. Держалась я не совсем уверенно, но заинтересованно, позволяя моему собеседнику исполниться гордости и тщеславия, что он может чему-либо меня научить. И хотя часто я знала или предполагала ответ, но предпочитала приподнять самооценку коллег, выслушивая их вариант разгадки тайн, мучающих бедную неумеху. В итоге я покорила их всех, одного за другим, этим дешевым и бессовестным способом – притворяясь совершенно несведущей в делах, неопытной, а главное, всеми силами стремящейся к знаниям. И пока я играла роль прилежной ученицы, я могла чувствовать себя в полной безопасности в этом инкубаторе для честолюбцев. Мало-помалу меня стали приглашать вместе пообедать, в беседах стали интересоваться моим мнением, и в мой адрес даже стали поступать приглашения на чашечку кофе. Это всегда была привилегия тех, кто находился на особом счету, так сказать, особо приближенных. Да, да, даже в этом коллективе наставляли минуты искренности и мягкости.

И лишь педантичная Алейшу все так же презрительно ко мне относилась, хотя и говорила «Привет», что уже свидетельствовало об огромном прорыве в наших «теплых» отношениях.

Во мне было что-то от нее. Что-то такое, что я сразу почувствовала, что заставляло меня сравнивать нас и побуждало меня ей симпатизировать. Уж не знаю, профессиональные ли амбиции, писательский талант, подвешенный язык или пренебрежение к толпе, или сумасшедшая неуверенность в себе, маскируемая высокомерием, крайняя нужда и постоянно перебарываемая слабость делали нас, скажем так, одинаковыми противоположностями. Мы были словно два полюса. Каждая из нас была и изнанкой, и дополнением другой. В какой-то момент нашего последующего общения, после ряда расспросов я даже пришла к выводу, что она могла бы стать любовью всей моей жизни. Я производила впечатление мягкой, преданной своим дочерям, и всегда защищала романтическую любовь, но внутри меня будто поедал червь ненависти ко всем людям (особенно к мужчинам), и я была готова просто взорваться от всех проглоченных за мою жизнь оскорблений. Она же, наоборот, заслуживала всех ругательств, какие я только могла изобрести, обладала всеми возможными недостатками – была грубой, отталкивающей, переполненной сарказмом, но на самом деле все это служило маскировкой нерешительной, всего боящейся девочки, мечтающей лишь, чтобы ее похвалили. Я так ненавидела ее за то, что мне она нравилась, а я ей – нет! Однако позднее все придирки и презрение в мой адрес сменились настоящей дружеской привязанностью.

Находясь на этой вражеской территории, где повсюду царил плохо скрываемое лицемерие, я нуждалась в союзниках. Я не стала и пробовать заводить с кем-нибудь дружбу, потому что представляла заранее, чего мне будет стоить одна лишь попытка очаровать этих олимпийских богов. Это было бы то же самое, что попросить их избить меня. Но там были и более приятные люди (главное, менее злые), к чьей помощи я и собиралась прибегнуть: наши творческие личности.

Больше всех мне нравился Алешандру Феррейра, главный дизайнер. Еще до того, как я устроилась в «VIP», я видела его раза два. Уже тогда он показался мне настоящим красавцем. Наряду с непобедимым Ником и Беницио дель Торо он вполне мог стать частью галереи мужчин моей мечты, мира моих фантазий. Раз или два мы пытались флиртовать, но очень скоро после нашего знакомства он влюбился в самую красивую женщину в издательстве, и мы так и остались друзьями. Я бы негодовала, если бы он предпочел мне какую-нибудь тупицу, уродину или шлюшку, но проиграть самой Марии Рите было для меня даже честью. Вернее, для меня было честью состязаться с ней.

Стать его подругой было одновременно и приятно (обрести интересную компанию, ободрение и возможность общаться с очень тонким и оригинальным человеком), и выгодно в моем положении. Он ясно давал понять, что для душевного общения не нуждается в суперзвездах нашей редакции. С этого времени все без исключения начали сближение со мной, в котором я так нуждалась, когда только пришла на новую работу. Иногда полная предсказуемость людей становится устрашающей.

Единственный, кто, казалось, не чувствовал ко мне неприязни с самого начала, был Эртон Сэлигмэн. Он тоже мне понравился, и я даже питала на его счет некие романтические иллюзии, пока не узнала, что он женат (ну, или чуть-чуть дольше, если быть честной).

Дни вроде текли спокойно, я все больше сближалась с коллективом. После недолгого сосуществования все увидели, что я далеко не простушка, и что куда забавнее общаться со мной, чем не замечать моего существования. Меня приняла и вся команда, и Алейшу, которая теперь была моей подругой.

В очень короткий срок раздел «С Кикой на диване», в котором я отвечала на вопросы о сексе и взаимоотношениях мужчин и женщин, приобрел популярность. С потоком писем приходила также масса стихов, записок, пикантных приглашений на ужин и предложений поучаствовать в теле-шоу. Меньше чем за год я поучаствовала в десятке различных прославленных бразильских передач, среди которых – шоу Адриана Галиштеу, Баби, Моника Эванс, Гибы У. И это – помимо приглашений, которые я не приняла, считая себя слишком порядочной для таких шоу (возможно, я заразилась вирусом гениальности и манией величия). И все это только благодаря моим завиральным теориям о сексе и любви. Но что было самым забавным (и впечатляющим), так это безграничное доверие, которое мне оказывали читатели в том, что касалось обеих этих сфер. Достаточно было напечатать что-то (а печаталось это на страницах престижного журнала), как оно уже становилось истиной, хотя на деле являлось лишь моим частным мнением.

Начав так скромно и без каких-либо претензий, я вскоре сделалась авторитетом, я получила приглашения на радиопрограммы, давала интервью журналам, сайтам для мужчин и участвовала в чатах (причем, мне все время названивали домой из UOL⁸).

В один из тех дней, когда кажется, что ни одна приятная новость не может развеять скуки, я получила электронное письмо от одного читателя, которое меня заставило прыгать от радости. Не потому, что в нем было нечто феноменальное, и не потому, что оно было предельно оригинальным, а потому, что оно пришло от парня, с которым я флиртовала в

⁸ Бразильская поисковая система в Интернете.

кукольном театре (да, того красивого парня с теплым взглядом и широкими плечами, из-за которого я провертела головой весь спектакль). Он был постоянным читателем «VIP», и увидев мою фотографию в журнале, узнал женщину, которая стреляла глазками в детском театре.

«Да, да, да, – ответила я ему, – это я!» Последовала непродолжительная переписка по Интернету, после чего мы перешли на телефонные разговоры. Его голос был таким же приятным, как и лицо. Он оказался достаточно образованным и слишком серьезным (без тени сарказма, остроты и высокомерия, к которым я уже так привыкла с начала работы в «VIP»), но был милый и очень естественный. Мы назначили встречу.

Он заехал за мной домой, и я предложила ему подняться. Я не стала ходить вокруг да около. Беседа была приятной, от него исходил настолько потрясающий запах, что я просто не могла скрыть желания зарыться в его волосы – желание, которое стало еще очевиднее после двух бокалов вина (не такого дешевого, как во время «встречи» Мадлен с Ником).

Как Фабиано был красив! Слово киноактер! Он был невысок, но это было неважно: в тот период я особенно остро чувствовала свою незащищенность и хотела иметь уверенность, что мужчина защитит меня, уж если не эмоционально, так хотя бы физически.

Я прервала разговоры парня удушающим и голодным поцелуем, и тут же все началось, прямо на диване моей гостиной. И все было бы отлично, если бы не полное отсутствие оргазмов, прикрываемое только что приобретенной способностью имитировать их. Такой итог явился полным разочарованием, особенно после стольких месяцев воздержания. С моим мужем это всегда получалось так просто, но почему с этим красавцем, который так старался доставить мне удовольствие, вообще ничего не получилось? Чтобы не выказать и тени неблагодарности и недовольства (в конце концов, он-то старался и был внимателен ко мне), я притворилась. Не знаю уж, насколько убедительно, но я сделала это (правда, скрепя сердце, поскольку это противоречило всем моим феминистским принципам и вообще – моей честности). Мы закончили вечер лежа в обнимку под единственной вещью, еще напоминающей о моей прошлой шикарной жизни – пуховым одеялом.

Когда он ушел, я разрыдалась, съжившись на кровати в своей холодной комнате, еще более холодной без его тела рядом. Не из-за того, что он ушел, и не потому, что сказал «я тебе позвоню» (а это для меня было секретным кодом, означавшим: «я больше не вернусь»), а из-за ощущения, что предала мужа, а главное – что у меня не было оргазма и что я притворилась, будто все великолепно, когда на самом деле имела место лишь мучительная серия ласк с кем-то посторонним. Пусть красивым и образованным посторонним, от которого исходил умопомрачительный аромат. И который открыл новую фазу моей жизни: отчаяние. Я решила, что буду трахаться, пока не достигну наслаждения, с кем бы то ни было. Я не могла поверить, что, сделавшись нищей, одинокой, немодной и циничной, я стала еще и фригидной.

Отчаяние

Дела на работе улучшались прямо на глазах. Коллеги (жаль, что не могу сказать «сразу») приняли меня в свои ряды, оба шефа, Марку Антониу и Аран, вроде бы восхищались моей работой, и Айлин была со мной ангелом во плоти.

В это время уволилась Марии Беатриш Суареш, пишущая под псевдонимом София К. (в журнале она вела колонку про секс, параллельную моей). В срочном порядке кинулись искать нового работника на эту должность. Марку Антониу тут же предложил мою кандидатуру и пообещал, что я смогу подписываться псевдонимом Бии, если так мне будет удобнее проникнуть в созданный ею эротический мир. Я согласилась, но очень скоро почувствовала отсутствие всякого вдохновения. Тогда я решила, что буду просто рассказывать истории, не такие фантастические, как у моей предшественницы (в моих рассказах никто бы не стал трахаться, положив ноги на стол), и более элегантные.

Когда мне совершенно нечем было заняться в Сан-Паулу, я с детьми проводила выходные в Кампинасе, в доме родителей. Не то чтобы я получала у них больше эмоций, чем находясь дома у телевизора (хотя и возможно), просто у меня были свои причины. Я приезжала не для себя: нескольких минут сосуществования с семьей было достаточно, чтобы я поссорилась с отцом или пришла в крайнее раздражение от вечных причитаний матери («Дочка, какая невыносимая жара сегодня! Дочка, как у меня от нее болит голова! Дочка, как трудно выносить эти мании твоего отца! Дочка, я совсем не спала сегодня ночью!») И тому подобное. В ряде случаев, и правда, было бы лучше остаться дома и поддаться гипнозу телевизора, чем пытаться улучшить наши отношения и играть роль хорошей дочери. Но именно совесть «хорошей дочери», которая всю жизнь должна была подстраиваться под желания других, не позволяла мне отдаться безделью и одиночеству и напоминала о ценности семьи.

Там я была *хорошей* дочкой, у которой *хорошая* работа и две *замечательные* дочери, которых я привезла *хорошо* провести выходные у *замечательных* бабули с дедулей. Здесь стояла сельская умеренная (ну, и *хорошая*, конечно) жара, была *хорошая* мамина еда их *хорошие* папины шутки. Если повезет, я встречала того или иного старого друга, но только если очень повезет, потому что в большинстве случаев я встречала самых нудных или интеллектуально обделенных субъектов. Иногда начинало казаться, что люди даже с небольшим чувством юмора испарились, исчезли с лица земли. Мне оставалось только благодарить Бога за то, что я была такая красивая, умная, что у меня есть возможность развиваться и работать, и была возможность так удачно выйти замуж за такого хорошего человека и родить детей (и за то, что родились такие прекрасные и светлые создания, как Алиса и София – дочери, от которых я никогда не устану и никогда не пожалею, что произвела их на свет).

Итак, время от времени я со своей благословенной семьей ездила в это благословенное место, принося счастье и радость провинциальным жителям с фамилией Салви.

Пока не столкнулась лицом к лицу с подругой детства в одном кабачке в центре города. Компания была не из лучших, но все же с ней можно было поделиться идеей найти какого-нибудь красавчика. Нельзя сказать, что Кампинас славился хорошим вкусом своих жителей. Очень сложно было рассмотреть красоту за клетчатými рубашками, карамельного цвета ботинками и желтыми штанами. Цепь с распятым на груди была хитом среди мужчин из кабачка.

Торпеды, стрелы, пули и прочее оружие для заигрывания, нацеленное в нашу сторону, уже заставляло искриться наш стол, и даже при этом мы чувствовали себя находящимися в монастыре среди монашек. В поле зрения не было ни одного существа, которое бы хоть отдаленно напоминало представителя мужского пола и обладало чем-либо еще, кроме фаллоса и горы мускул.

Но вдруг я увидела Ромуалдо.

Мы вместе учились в школе в течение трех самых ужасных лет в моей жизни. Тогда мои родители вбили себе в голову перевести меня в главный колледж нашего штата, чтобы я осознала, что это за мир. Школа была отвратительная, грязнущая, бедная, где все как один учителя были никчемными, а ученики не получали совершенно никакого образования. Меня перевели туда перед пятым классом, и я отлично помню, как на протяжении трех лет я каждый божий день просила забрать меня оттуда. Лишь по истечении этого срока мои любимые (и обеспокоенные моим общественным сознанием) родители решили-таки прислушаться к моему мнению.

В соответствии с расписанием я находилась в школе с семи утра до часа дня. В час я возвращалась домой с лопающимся мочевым пузырем, так как не могла заходить в огромный загаженный туалет для девочек. Для меня было невыносимо видеть там низости, написанные менструальной кровью на стенах и дверях. Впрочем, эта обстановка была наиболее подходящей для моего развития, если учесть, что я жила в районе класса выше среднего в Кампинасе, в огромном доме с пятью квартирами и бассейном, училась играть на пианино, занималась балетными танцами и французским. Поистине, родители не могли бы выбрать лучшего учебного заведения, более соответствующего моему образу жизни.

В школе со мной обращались плохо все. Ученики, которые понимали, что я богаче и образованнее их, называли меня принцессочкой, вашим высочеством и т. д. – до того дня, когда они обнаружили, что у меня дома есть бассейн. Тогда они окружили меня, стали расхваливать мою одежду с совершенно нескрываемой целью быть приглашенными поплавать. Поскольку я была глупая, наивная и немного не от мира сего, я не догадывалась, из-за чего они вдруг полюбили меня и перестали придираться, и пригласила всех к себе.

Девочки были старше меня и уже начали оформляться, в отличие от меня, которой процесс полового созревания почти не коснулся. Я была такой же худой, как всегда, у меня не было еще волос в интимных местах и совсем не было груди, а менструация представлялась чем-то фантастическим.

Мы танцевали и пели песни с тем же энтузиазмом, с каким кто-нибудь стремится в Диснейленд. Мы разучивали шаги и движения Майкла Джексона с таким усердием, будто готовились к экзамену по медицине. Не было вроде ничего хорошего, но после появления темы бассейна все казалось не таким ужасным, как раньше. И у меня теперь был Ромуалдо.

Он дружил с Иваном и Фабио, самыми умными и воспитанными мальчиками во всей школе. Иван, несомненно, был самый красивый, но застенчивый и, в целом, провинциальный. От одного его хрупкого вида хотелось расплакаться. Фабио был блондином, что исключало для него вероятность мне понравиться, но он был тоже красив (для тех, кто не считает большое количество меланина непростительным недостатком тела), и имел самый высокий интеллектуальный показатель из всех пятых классов (возможно, и из всей школы, потому что годы спустя я узнала, что он поступил на медицинский в Уникамп, выдержав конкурс в сто кандидатов на место). Но у меня был Ромуалдо, красивый улыбчивый мулат, которым я восхищалась, как может восхищаться только маленькая девочка. Он был менее усердным в учебе, чем оба его друга, и ничем особенно не выделялся, кроме своей улыбки и динамичности (он всегда был самым быстрым из всех). Он был красавец, этот Ромуалдо. И как же он возмужал за эти годы!!!

Девочки, с которыми водилась я, были второгодницами, некоторые даже тремя годами старше меня. Они были шустрými и только и думали о мальчишках. Самое же серьезное, что было у меня, так это ухаживания Энрике. Он спросил у меня, нравится ли он мне, и за положительный ответ подарил мне марку. Я еще даже не знала, что такое язык мужчины (или, точнее, мальчика), а все девчонки только и говорили, что о своих половых актах, о том, как они или их орально ублажали, и сколько спермы вышло за одну эякуляцию (развлекаясь

бесконечным сравнением объема выделений их возлюбленных). Все, что я могла, это записывать услышанное на бумажку и предоставлять бассейн всем желающим, чтобы провести хотя бы тридцать минут в компании девочек.

Как-то, в один из ленивых кампинасских дней мы все отправились в гости к Одри. У ее сестры был свой маленький видеопрокат, в котором Одри работала несколько дней в неделю. В тот день у нее был выходной, и она стащила из проката коротенькое порно, чтобы показать нам за чаем. Тогда мне было лет одиннадцать, и я помню, что меня чуть не стошнило при виде гигантского члена, неистово входящего и выходящего из раскрасневшегося влагилица какой-то женщины. Девчонки пожирали эти сцены глазами, заглатывая одновременно банановый мусс, который мама Одри сделала для дочкиных подружек (во время нашего «чая» она находилась в церкви, где работала на добровольных началах). Мое мироощущение, о котором так пекся мой папочка, никогда не было таким ясным, как в тот познавательный день, подслащенный банановым сиропом.

Ромуалдо был сыном маникюрши и жил вместе с бабушкой. Именно это его положение брошенного ребенка вызывало во мне столько сочувствия и столько тревоги. Хотя на деле он не был совсем брошен, просто его родители развелись, и мать отвезла его и его сестру жить к бабушке.

Он был кусочком моей души. И хотя меня никогда не бросали в полном смысле слова, я чувствовала себя брошенной в эту отвратительную школу, ведь мне приходилось там учиться против собственного желания.

Я не была ни мулаткой, ни нищенкой, как он, но чувствовала, что я тоже достойна жалости из-за дискриминации, которой я подверглась в первые месяцы пребывания в новой школе (пусть это и не была дискриминация из-за национальности или бедности). Но, несмотря на то, что все мои представления и выводы о нем оказались ошибочными, его очаровательная мальчишеская улыбка, крепкие мускулы, каких я не видела больше ни у одного парня, и его исключительная способность с легкостью выносить изнурительные нагрузки на уроках физкультуры заставляли меня молиться на него. Он, без сомнения, был моим героем.

...Эта неожиданная встреча в баре наполнила мое сердце радостью. Не столько из-за того, что натолкнула на лучшие воспоминания из того тяжелого периода жизни, сколько потому, что Ромуалдо по-прежнему был убийственно красив. Мы поцеловались в восторге от встречи и обменялись телефонами. И он очень скоро позвонил. Мы встретились один раз до моего возвращения в Сан-Паулу. Возможно, это и не было самым образцовым свиданием, если принять во внимание разговоры и место встречи (я привыкла к гораздо более приличным местам, чем сельский кабачок), но я все же подарила ему горячие объятия и один поцелуй. И пригласила его остановиться у меня, если вдруг он окажется в Сан-Паулу.

Он очень скоро воспользовался приглашением и явился ко мне, в кепке козырьком назад и с температурой 39. Было ясно, что лишь перспектива легко завладеть мной могла заставить больного мужчину подняться с постели и приехать.

Мое беспокойство и его напряженность были очевидны для нас обоих. Он был молчалив, спокоен и насторожен. Я нервничала, стараясь казаться радушной хозяйкой, но не быть слишком назойливой и не выдать сожаления о том, что пригласила его в свой дом. В довершение всего дождь шел как из ведра и было невыносимо холодно раздеться даже на секунду. Мы пробыли дома совсем недолго. Вдруг я набросилась на него. Уж не знаю почему (возможно, из-за того, что я ужасно нервничала), я решила, что это лучшее, что я могла сделать, чтоб пригласить его к любовной игре.

Я закрыла глаза, предвкушая, что цель моего приглашения будет вот-вот достигнута. И вдруг поняла, что все, чего я хотела, – это маленькой капельки нежности. И так, он был со мной – самый красивый парень, из всех кого я знала. Он был непреодолимо соблазнителен. Понемногу ко мне вернулась уверенность, и я решила, что в худшем случае я просто не

получу удовольствия (но получу подтверждение, что стала фригидной) и никогда его больше не увижу. А это не будет иметь никакого значения, ведь мы и так не виделись, по крайней мере, лет пятнадцать.

Он был воплощением сексуальной силы, в этом не стоило даже сомневаться. Его тело говорило за него. Мы занялись сексом. И он разочаровал меня во всем, в чем только можно было разочароваться.

Разочаровал тем, как мало времени он уделил тому, чтобы разогреть и подготовить меня, тем, как быстро он пробежал по моему телу, и тем, как быстро он кончил. Можно было напрямик отправляться на свалку; я чувствовала себя жестоко обманутой, униженной и преданной теми ожиданиями, которые я лелеяла на счет этого парня. Не было ничего потрясающего ни в один из моментов, составляющих процесс соблазнения: ни в диалоге, ни в прелюдии, ни даже в самом ответственном моменте. Это был мой очередной провал в школе любовников. В чем была загвоздка? В периоде завоевания? В скорости? В размере, в конце концов? Это был просто провал (и я снова, к недоумению всех феминисток, должна была притвориться, будто чувствовала то, чего не было). Во второй раз он достаточно долго старался, должна признать. Но так и не смог реанимировать меня, реабилитировать себя после предыдущего оглушительного фиаско.

К счастью для нас обоих, мы оба долго спали утром, которое последовало за *gran finale*⁹, и проснулись за минуту до того, как распрощались навсегда.

Я снова разрыдалась, но с удовольствием и энтузиазмом превратила неудачное свидание в красивую эротическую хронику, первую, какую я написала для «VIP». Это совершенно не походило на мой обычный стиль (или на то, что я считала своим собственным стилем). Это была новая попытка быть принятой и заставить всех на работе восхищаться мной, и, наверное, по моей собственной глупости, я использовала лаконичный, наполненный паузами стиль моей предшественницы.

Всем понравился текст и не понравилась я. Но, пусть в статье все было выдуманно, зато это была возможность впервые подписаться моим новым псевдонимом: София К.

Чем хуже, тем лучше

Замечательное исполнение недостижимой когда-то мечты

София К.

Все дело зависит от того, как за него приняться. Провокация и эффективность. Этому меня научил Ромуалдо. Через много лет после нашей школьной поры, когда наши сексуальные отношения не заходили дальше, чем мастурбация в одиночестве. Ничего больше. Разве что мысли друг о друге.

Встреча была ошеломительной. Не потому, что возродила в нашей памяти времена оргазмов в одиночку, но потому, что мы были поражены благотворностью лет, в течение которых мы не виделись. Мы уставились друг на друга. Ромуалдо стал чуть ли не втрое выше, улыбка его была все такой же очаровательной, а тело – образцовым сочетанием мускулов, каждый из которых поражал идеальной формой.

«Вау!» – только и подумала я. «Я задам этому парню», – была моя вторая мысль с пропущенным окончанием «или я ни на что не гожусь».

Во время долгих объятий я представила, с какой легкостью он мог бы размазать меня по стенке.

– Клаудиа! Не верю глазам!

– Ромуалдо! (Сукин сын, каким ты стал аппетитным!) Сколько же лет я тебя не видела? (Сколько же времени назад я уже могла тебе дать? Неужели твой инструмент такой же огромный, как все остальное? Он мулат...)

⁹ Величественный финал (итал.).

– Да, старушка, сто лет. Как ты изменилась!

– Да уж, изменилась. Стала хоть чуточку лучше? (Надеюсь, я тоже стала более сексуальной.) Повзрослела я, а? (Натрахалась, поумнела, познала оргазм, потом супероргазм – да-да, он существует! – давала много, но не столь уж многим.) Я уже не та нежная маленькая девочка, что раньше.

– Да, но ты все такая же красивая.

– Как хорошо, что ты так думаешь! (Прелесть! Он хочет меня!) А ты-то как изменился! (О, да у него стоит! А какая у него попка!) Жаль, что мне уже пора. (Черт, и правда, надо идти.) Возьми мою визитку. Позвонишь на этой неделе?

– Конечно, завтра же позвоню тебе. Я был счастлив тебя повидать!

– Я тоже была счастлива! Чао! (Ух, не обнимай меня так, а то я уже совсем мокрая.

Давай же, не расслабляйся: быстро повернулась и пошла не оглядываясь. Он будет смотреть на мою задницу. Буду вилять бедрами.)

Он позвонил меньше, чем через сутки.

– Клаудиа?

– Кто это? (Логично. Должна же я играть натурально.)

– Ромуалдо. У тебя все в порядке?

– Привет. Да. (Так уже куда лучше.)

Итак, киношка, пиво, перекус в кафешке, музыка. Все как надо. И напряжение все растет.

Нельзя сказать, что он был совершенно интеллектуально обделен. Он говорил, что никогда не может выбрать, что купить, когда заходит в книжный магазин (предполагаю, что решением трудной задачи являлось не купить ничего). Не был он и тонким психологом. Но в нем было какое-то непередаваемое очарование (помимо светящихся глаз, широкой улыбки, огромных рук, подтянутого живота и упругой аппетитной попки): никто бы не усомнился, что секс – его призвание. Бескомпромиссная мужественность. Одно то, как он невзначай касался моего колена, пока перечислял правила игры в волейбол, было настолько непристойно и сладострастно (легко, нежно и медленно), что я даже вынуждена была его остановить. Долгий глоток пива. Неистовый. Один пристальный взгляд, и я почти растаяла. И поцелуй. И я сдалась.

Я потеряла способность мыслить. Меня охватило желание раздеть его. Сделать все... Я мечтала скорее оказаться дома.

Я не стала ходить вокруг да около, не стала создавать никакой романтической обстановки. Наверное, потому что я не могла себе представить мужчину такого типа на своих простынях. В первую очередь, из-за распятия на груди. И из-за ужасного вкуса к ужасной музыке. Я сказала: «Давай приляжем». И легла.

Он снял одежду без всяких церемоний. И... господи боже! Черт подери, что же это такое? Он был еще в сотню раз привлекательнее, чем можно было себе вообразить. настолько привлекательнее, что дальнейшее уже не надо было предсказывать. Самоконтроль отключился полностью – ведь бояться нечего, когда завтра не существует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.